

ЛИЧНОСТЬ И ОБЩЕСТВО: РЕГУЛЯЦИЯ ЧЕРЕЗ КОНФЛИКТ

Тема воспитания человечества, унаследованная на все времена педагогами всех народов от гуманистов и просветителей, сохраняет шансы своего разрешения в теориях социальной регуляции. Основание предполагаемых решений отнюдь не сводится к воспроизводству контраверсы социотризма и антропоцентризма. Само это противопоставление имеет явные признаки дурной бесконечности, порождает все более частную аргументацию, как правило, перемещающую полемику на внутреннюю территорию субъективности. Особняком стоит социология личности, где идея рассмотрения пожизненной социализации и инкультурации человеческой индивидуальности выражает попытку постижения целостности. Однако, по справедливому замечанию К. Ясперса, человек как целое в принципе не может стать предметом научного познания. Таким образом, и социология личности, и любая социальная теория в лучшем случае ставят вопрос о взаимосвязи личности и социума, фактически способны что-либо предложить в той мере, в какой делают более понятными процессы социальной регуляции.

В свою очередь, регуляция представляет собой фундаментальную социальную причину девиаций. Противоречивость любых возможных нормативных кодексов предрешена в естественных установлениях первичных запретов, без которых невозможны культурные ценности как таковые. Возможность культурного горизонта ценностей взаимосвязана с его принципиальной недостижимостью, и здесь заканчивается знание и начинается вера. Однако задержимся еще на возможностях познавательной самоидентификации личности в общественной жизни. Собственно, возможно ограничиться анализом когнитивных процессов, поскольку любая идентификация не существует вне таковых процессов и их любых

результатов. Жизнь людей в обществе – это всегда знание, о себе, о других, о взаимности и невзаимности этих представлений.

Поучительность механического противостояния идей общества и личности пребывает в образах наследия классической социологии. Это своего рода гипер-фрейм, на который нанизываются неклассические реконструкции неравновесного решения проблемы личности и общества. С конца XX века явно доминирует «гуманистический» тренд, не имеющий ничего общего с классическим гуманизмом, да и по большому счету, гуманистическим мировоззрением как таковым. Это своего рода операционализация терминов субъективности, действия, процессов социального структурирования начиная с микроуровня. Теории обмена, социальной драматургии, разнообразнейшие версии символического интеракционизма, постмодернистские и неоиндустриальные реконструкции социальных структур в качестве процессов пытаются вобрать в себя все оттенки столкновения личности и общества, описать принципиальные сценарии их взаимосвязывания.

Однако общая картина оставляет пространство для непредвзятых суждений по поводу противостояния личности и общества на любом уровне социологического познания, от стихийного повседневного воображения – до инструментально рафинированных схем, концепций, принципов. Старые добрые «социальное давление» и «социальное действие» не нуждаются в исчерпывающих характеристиках для того, чтобы формулировать неразрешимую по сей день проблему личного и социального. Всегда оказывается достаточно определенности указательных суждений, воспроизводящих либо явление социальной ситуации, либо ее терминологическую схематику. Так оказывается востребованным парадигмальный уровень объяснения общественной жизни, а на первый план выходит парадигма социального конфликта, глубоко вьевшаяся в отечественные социальные представления любого уровня в своем

марксистском варианте. Попытаемся уйти от такой сомнительной непредвзятости.

Конфликт и регуляция по своим изначальным характеристикам противостоят друг другу, порождая в сознании действующего или познающего субъекта разного рода диалектические метафоры. Вместе с тем, эта связь не носит тотального характера, не удерживает в себе механической противопоставленности, постоянно снимаемой и воспроизводимой в противопоставлениях и взаимопереходах. Конфликты недостаточно классифицировать или типологизировать на функциональные и дисфункциональные, их присутствие в социальной регуляции избирательно по смыслу и имеет специфическую предметную выраженность. Конфликт как таковой представляет собой доминирующую деструктивную тенденцию социальных изменений, сравнимую с антигравитацией вселенной. Но в целом ряде социальных сценариев именно конфликт оказывается ключевым инструментом взаимоадаптации личности и общества, фактическим уникальным регулятором ряда кризисных моментов в пожизненной социализации личности, в воспроизводстве и трансформации культурных образцов человеческой индивидуальности. Конфликт разрушает социальную регуляцию, кризисные процессы социального регулирования неразрешимы вне конфликтных сценариев. Конфликт – болезнь социальной регуляции, но жизнь не бывает без болезни.

XXI век отмечен растущим влиянием бизнес-дисциплин на социальное и гуманитарное познание. Большая часть новой литературы по менеджменту содержит постановку и предлагаемые решения проблем мотивации персонала, людей, участвующих в жизни деловых организаций, особого типа целевых общностях. Экзотичность лексики, неочевидность схем с точки зрения здравого смысла, тем не менее, не заслоняют того важного обстоятельства, что мотивация сводится к процессу «усреднения» индивидуальностей, составляющих персонал. И если низшие пределы профессиональной пригодности пытаются замыкать на механические

процедуры отбора и тестирования, то завышенные пределы пытаются нивелировать посредством установления социальной миссии, разного рода этико-корпоративных регуляторов. Яркая индивидуальность в среде персонала вредит успеху делового предприятия. Планирование, построение организационных структур, руководство, управлением кадрами и контроль нуждаются в предсказуемо ограниченных индивидах.

Тема лидерства выражает менеджериальный подход к поискам эффективного социального неравенства. Ибо социальная стратификация, будучи по большей части действенной формулой неравенства статусов и ролей, периодически и стабильно создает почву для реализации острых кризисов и конфликтов. Общенаучную основу типологий лидерства составляет теория типов господства (господства-подчинения) М. Вебера. Эта величественная конструкция сама по себе не может быть более чем величественным классическим гипер-фреймом. Разнообразие типологий лидерства не снимает исходных оснований типологии господства, но зато вооружает исследователя разнообразными основаниями и критериями диагностики фактических ситуаций регулирования социальных отношений. В любом случае доминируют логико-грамматические критерии стабильности-динамичности, рациональности-эмоциональности. Так, групповое и ситуативное, инструментальное и экспрессивное лидерство не могут быть феноменологически изолированы. При этом данные типы имеют в ряде случаев отчетливую выраженность и позволяют предсказывать успешность или неудачливость конкретных персонажей в зависимости от сценариев социальных изменений. Однако совершенно неслучайно наше время все больше приобретает черты эпохи выдвижения на авансцену усредненных персонажей. По причине управленческой неэффективности ярких индивидуальностей на уровне персонала целевых общностей.

Яркие личности в России второй половины XX века всегда «брали на себя», действуя при любой погоде и не программируясь идеологическими установками извне. Н. Хрущев, В. Высоцкий, М. Горбачев, Б. Ельцин и

целый ряд убедительных персонажей, фактических культурных героев – личности, возникшие вопреки системе. И сегодня порождение их замыслов предстает мистически непостижимым. Однако любые попытки ответить на эту загадку не дают нам устойчивых оснований к объяснению сегодняшнего господства посредников и манипуляторов. Фаза конфликтности культурного (народного) героя с темными невзгодами времени сменилась несомненной ролевой диффузией публичных персонажей фазы плюрализма, толерантности, незавершенности. Трагедия личности всегда завершена, драма социальных масс по своей сути не обладает отчетливым смыслом, замкнута на приспособление к случайным знамениям времени. При этом персонификация социально-регулятивных смыслов становится все более признаваемой (популярной!) и отчетливой. Коллективные представления социально гетерогенны, но совпадают в фундаментальном структурном параметре – это самоидентификации «зазеркалья». Мы живем всегда после, и никакие новые чудеса техники и игры публичной свободы не убедят нас в ином. Но вот только правила игры и социальной конкуренции становятся все более циничными, заведомо условными и переменчивыми, даже не претендуя на оправдание нравственностью. Человек человеку – разлюбезный конкурент и, в крайнем случае, тот самый партнер.

Молодежь, как всегда, поставлена на острие этих социально-ролевых трансформаций. Ролевая диффузия тинэйджеров и людей первого возраста взрослости (Э. Эриксон) расплзается через массу стилистических и случайно инструментальных черт повседневного быта, делая ювенальность задорным образцом для подражания лидерам любого уровня. Вот только серьезность властных персонажей все более приобретает черты отроческой решительности и негибкой поверхностной убежденности в отсталости неэффективных индивидуальностей, мешающих циркуляции расхожих фраз и социальных технологий, включая образовательные стандарты «третьего поколения». ЗУНы необратимо вытеснены компетенциями, но тупики просветительства и ныне там. Личность конфликтна, заурядность адаптивна.